

Научная статья

УДК 811.1/.8

DOI 10.17223/18137083/87/18

**Семасиологический и ономаσιологический факторы
порождения метаязыковых комментариев:
к определению оснований для построения
семантической типологии рефлексивов**

Михаил Александрович Кравченко

Ростовский государственный университет путей сообщения
Ростов-на-Дону, Россия

oksanka_2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Аннотация

Решается задача поиска и описания универсального основания для семантической типологии рефлексивов. Обосновывается роль семасиологического фактора, лежащего в основе создания рецептивных рефлексивов, и ономаσιологического фактора, приводящего к созданию продуктивных рефлексивов. Дистинктивные признаки обоих типов рефлексивов определяются через понятийные дихотомии «статика / динамика», «нелинейность / линейность», «открытость / закрытость». В ходе исследования устанавливается статичный, нелинейный и открытый характер рецептивных рефлексивов и динамичный, линейный и закрытый характер продуктивных рефлексивов.

Ключевые слова

метаязыковая рефлексия, рефлексивы, семантическая типология, семасиологический фактор, ономаσιологический фактор

Для цитирования

Кравченко М. А. Семасиологический и ономаσιологический факторы порождения метаязыковых комментариев: к определению оснований для построения семантической типологии рефлексивов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 226–239. DOI 10.17223/18137083/87/18

© Кравченко М. А., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 2. С. 226–239

Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2, pp. 226–239

Semasiological and onomasiological factors of meta-language commentary generation: determining the grounds for constructing a semantic typology of reflexives

Mikhail A. Kravchenko

Rostov State Transport University
Rostov on Don, Russian Federation

oksanka_2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Abstract

The study follows the principles of everyday linguistics, a scientific field dedicated to examining language markers of metalanguage reflection. Specifically, it focuses on reflexives, which are text segments that convey explicit or implicit information of a metalanguage nature. Such metalanguage contexts differ significantly in structure, semantics, functionality, stylistics, and other aspects. Of relevance are the criteria for identifying a specific unit for analyzing and terminologically semanticizing reflexives. The analysis of the classifications of reflexives created by Russian linguists reveals that the semantics of reflexives is not limited to the sum of component meanings. The compilation of the semantic typology of reflexives started by defining the parameters of their semantics and identifying two categories. The first category includes the reflexives resulting from meta-linguistic reflection on a “ready-made” linguistic unit, while the second one comprises the reflexives generated through nomination. In terms of semantic theory, two distinct approaches can be observed in the formation of reflexives: semasiological and onomasiological. The semasiological approach suggests that the metalanguage tension arises between a word and its characteristics. The onomasiological approach places the metalanguage tension between the subject-conceptual domain and its designation. The semasiological factor underpins the creation of receptive reflexives, while the onomasiological factor leads to the creation of productive reflexives. The distinctive features of each category of reflexives are delineated by the conceptual dichotomies of “statics/dynamics,” “nonlinearity/linearity,” and “openness/closeness.” The study findings indicate that receptive reflexives possess static, nonlinear, and open attributes, whereas productive reflexives display dynamic, linear, and closed properties.

Keywords

metalanguage reflection, reflexive, semantic typology, semasiological factor, onomasiological factor

For citation

Kravchenko M. A. Semasiological and onomasiological factors of meta-language commentary generation: determining the grounds for constructing a semantic typology of reflexives. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 2, pp. 226–239. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/87/18

Определение направления, актуальности, цели и задач исследования

На рубеже XX–XXI вв. исследование метаязыковой рефлексии носителей языка выделилось в отдельное лингвистическое направление с неустоявшимся до настоящего времени названием. В разных работах его именуют «наивной лингвистикой», «обыденной филологией», «народной лингвистикой», «стихийной лингвистикой», «лингвистикой обыденного сознания», «теорией обыденной лингвистики» и др. Однако подобная вариативность не говорит о несформированности теории или недостаточной глубине и оригинальности практических исследований.

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 2
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 2

Становление и развитие этого направления исследований связано с именами Т. В. Бульгиной, А. Д. Шмелева, Н. К. Рябцевой, И. Т. Вепревой, Н. Д. Голева, А. Н. Ростовской, В. Б. Кашкина, О. И. Блиновой, Н. А. Николиной, Н. П. Перфильевой, М. Р. Шумариной, А. Вежбицка [1978], Н. Д. Арутюновой [1999], В. И. Поставаловой [2012] и др.

В качестве объекта исследования в работах данного научного направления выступают языковые маркеры метаязыковой рефлексии. Как правило, в структуре текста они проявляются в виде метаязыковых комментариев. Такого рода метаязыковые контексты существенно разнятся со структурной, семантической, функциональной, стилистической и иных точек зрения. Поэтому вопрос о критериях выделения специальной единицы анализа и ее последующей терминологической семантизации является одним из самых дискуссионных в теории обыденной лингвистики. В настоящий момент для обозначения такой единицы параллельно употребляются два близких по значению термина – «метатекст» (вслед за А. Вежбицкой) и «рефлексив» (предложен И. Т. Вепревой). Для решения задач нашего исследования мы будем использовать термин «рефлексив».

Под рефлексивами И. Т. Вепрева понимает «относительно законченные метаязыковые высказывания, содержащие комментарий к употребленному слову или выражению» [Вепрева, 2005, с. 8]. Сразу заметим, что данное определение, на наш взгляд, несколько «обедняет» потенциальный состав рефлексивов. Считаем, что метаязыковой контекст может не только проступать через вербализованный комментарий к слову или выражению, но также носить латентный характер и присутствовать в тексте в свернутом виде. В этой связи мы причисляем к рефлексивам любые отрезки текста, содержащие информацию метаязыкового характера, выраженную эксплицитно или имплицитно.

Как известно, степень научной разработанности проблемы во многом определяется глубиной и непротиворечивостью таксономии изучаемого объекта. Этот принцип вполне применим для оценки достижений теории обыденной лингвистики. Следует отметить, что установление таксономических характеристик рефлексивов является очень сложной задачей ввиду того, что рефлексивы напрямую не соотносимы ни с одной из единиц языка или речи. Они, как правило, не имеют четко выделенных границ внутри текста и образуют его отдельный семантический слой. Особую сложность представляет построение семантической типологии рефлексивов. Очевидно, что семантика рефлексивов отличается почти неисчерпаемым разнообразием. Фактически каждый объект рефлексии задает особые семантические параметры, которые находят свое воплощение в метаязыковых комментариях. Даже те немногочисленные существующие семантические классификации рефлексивов требуют дополнительного осмысления и внесения корректив. Главный их недостаток заключается в отсутствии универсальности: разработанные классификационные матрицы не вмещают в себя всё богатство эмпирического материала. Поэтому поиск и определение оснований для семантической типологии рефлексивов остается актуальной задачей современной лингвистики.

Считаем необходимым отметить, что термин *семантика* в настоящей статье употребляется, как правило, в своем широком значении, подразумевающим наличие как семасиологических, так и ономазиологических параметров. Иными словами, семантика объединяет в себе проблематику теории значения и проблематику теории номинации. Это, в свою очередь, оказывает влияние на широкие трактовки используемого в статье понятия «семантическая типология».

Объектом нашего исследования выступают рефлексивы, извлеченные методом сплошной выборки из художественных произведений современных русских писателей.

Предметом исследования является семантика собранного корпуса рефлексивов.

Цель статьи заключается в поиске и определении оснований для семантической типологии рефлексивов. Достижение поставленной цели предполагает решение задач, связанных с анализом существующих классификаций рефлексивов (в том числе семантических классификаций), с выявлением и описанием базовых оснований для построения семантической типологии рефлексивов, с выделением дистинктивных признаков таксономических групп рефлексивов, с обоснованием перспектив дальнейшего расширения и углубления намеченной типологии.

Источником языкового материала выступили тексты художественных произведений современных русских писателей. Выбор источника обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, тексты современной литературы отличаются повышенной рефлексивностью, что проявляется в изобилии и разнообразии метаязыковых контекстов. Во-вторых, художественные тексты, как правило, отличаются «над-дискурсивностью», под которой мы понимаем их способность сочетать в себе характеристики различных типов дискурса. Считаем, что в художественных текстах современных русских писателей наиболее полно отражается картина метаязыковой деятельности современного носителя языка, что свидетельствует о релевантности собранного материала цели и задачам исследования.

Достижения и проблемы в области построения типологии рефлексивов

Решение обозначенных задач начнем с анализа созданных отечественными лингвистами классификаций рефлексивов (метатекстов). Следует отметить, что общая типология рефлексивов находится в процессе формирования, а отдельные ее части имеют разную степень разработанности. Наименьшее количество вопросов и споров вызывает, пожалуй, структурная классификация рефлексивов. Она отвечает на вопрос о том, в каких структурных формах рефлексив может быть представлен в тексте. По мнению М. Р. Шумариной, рефлексивы существуют в двух структурных формах: как рефлексивы-тексты и рефлексивы-субтексты [Шумарина, 2011, с. 76]. Первые представляют собой тексты, пространство которых заполнено проявлениями рефлексии над языком или отдельными ее элементами. Вторые включены в пространство текста в качестве его компонентов. Рефлексивы-субтексты подразделяются на внутритекстовые и маргинальные. Внутритекстовые рефлексивы синтаксически и семантически встроены в ткань текста, но отличаются формальным разнообразием: они могут соотноситься с разными единицами (сложным предложением, простым предложением, частью предложения, отдельным словом и др.). Маргинальные рефлексивы, как правило, вынесены за пределы основного текста и образуют метатекстовую рамку повествования. К ним относятся разного рода предисловия, примечания, гипертекстовые ссылки и т. д. [Там же, с. 76–78]. Вариантом описанной классификации рефлексивов-субтекстов можно считать разделение рефлексивов на включенные (иннективные) и автономные (сепаративные) [Лукина, 2011, с. 11]. Таксономические принципы обоих вариантов классификации совпадают.

Изучение научных работ по проблематике метаязыка и метаязыковой рефлексии позволяет обнаружить, что пристальное внимание в последние два десятилетия ученые уделяли вопросу описания так называемых «метаязыковых операторов».

ров», или «метапоказателей». Метапоказатели представляют собой означающие, план выражения рефлексивов, форму воплощения метаязыковой рефлексии в тексте. Проведенные исследования привели к созданию целого ряда формальных классификаций рефлексивов. На наш взгляд, наиболее последовательной формальной классификацией рефлексивов является классификация, разработанная М. Р. Шумариной [2011]. Все метаоператоры в ней распределены на три категории: 1) собственно метаоператоры (языковые средства, для которых метаязыковая функция является первичной); 2) аналоги метаоператоров (языковые средства, способные выполнять метаязыковую функцию, но для них она не является основной); 3) нулевые метаоператоры (языковые средства, позволяющие путем импликаций указывать на совершение метаязыковой рефлексии при полном отсутствии прямых или косвенных метапоказателей) [Там же, с. 80–113].

К числу формальных классификаций рефлексивов стоит отнести классификацию, построенную на основании наличия / отсутствия в письменном тексте графических показателей рефлексии. Наличие специальных графических маркеров свидетельствует о прямой форме выражения метаязыкового сознания, отсутствие таких показателей – о не прямой [Трикоз, 2010, с. 11].

Разновидностями формальных классификаций рефлексивов можно считать классификации, построенные на принципах распределения метапоказателей по морфологическим классам слов [Одекова, 2009] или уровням языка [Батюкова, 2009], к которым они принадлежат. Похожие таксономические принципы уровневой дифференциации используются при построении классификации от объектов рефлексии [Трикоз, 2010, с. 12].

Рефлексивы классифицируются также на основании выполняемой ими в тексте функции. Среди функциональных классификаций центральное место занимает обретающая уже статус классической классификация, разработанная И. Т. Вепревой. В соответствии с этой классификацией рефлексивы в зависимости от функциональной направленности речевого напряжения делятся на коммуникативные, представляющие собой реакцию на коммуникативное затруднение и нацеленные на его преодоление, и концептуальные, свидетельствующие о концептуальном напряжении, вызванном разного рода социальными и культурными факторами [Вепрева, 2005].

Значительная часть классификаций ориентирована на анализ дискурсивных признаков рефлексивов. Через такого рода классификации описываются особенности рефлексивов в телевизионном [Васильев, 2000], политическом [Шейгал, 2002; Голев, 2015], рекламном [Батюкова, 2009] дискурсах.

Как было отмечено выше, наименьших результатов лингвисты добились в типологизации семантики рефлексивов. Контуры структурных, формальных, функциональных и дискурсивных признаков оказались различимы даже на фоне большого объема эмпирических данных, что позволило сформировать вышеназванные классификации. Многообразие семантики рефлексивов выступило серьезным барьером на пути отбора релевантных признаков, необходимых для построения типологии.

Попытки преодолеть этот барьер осуществляются главным образом через опору на метапоказатель. При этом изучается метаязыковая семантика конкретных метаоператоров: вводных конструкций с компонентами «говорить», «сказать», «называть» [Розина, 2009; Богданова-Бегларян, 2015; 2021; Байдуж, 2017; Лю Эншуай, 2022]; метаязыковых конструкций, построенных по модели «*в* + прилагательное + *смысле / значении*» [Перфильева, 2018]; парентетических конструк-

ций, употребленных в метаязыковой функции [Кравченко, 2022], и др. Следует признать, что в указанных работах скорее изучаются метаязыковые контексты употребления и смыслы отдельных слов и выражений без поиска их места в семантической матрице. При этом необходимо учитывать, что содержательная сторона целого ряда языковых средств, используемых в роли метаоператоров, не исчерпывается метаязыковой семантикой.

Отдельно стоит упомянуть исследования, направленные на изучение определенных категорий метаязыковой семантики. В частности, специальному анализу подвергались аксиологический [Вепрева, 2009] и мотивационный [Блинова, 2009] аспекты метаязыковой семантики.

Научные исследования, в которых рассматриваются вопросы обобщения и систематизации метаязыковой семантики (даже в качестве второстепенного, сопутствующего вопроса), носят спорадический характер. Среди единичных примеров выделим попытку Н. А. Батюковой обобщить семантику корпуса рефлексивов, собранных для решения задач диссертационного исследования. Рефлексивы были классифицированы по наличию общего семантического компонента значения опорного слова [Батюкова, 2009, с. 11–12].

Понимая актуальность задачи, некоторые ученые стремятся к расширению рамок семантических исследований, направленных на обобщение и систематизацию семантики рефлексивов. Так, Н. В. Лукина [2011] решала амбициозную задачу определения смысловой структуры метатекста с последующим построением соответствующей семантической типологии. Однако, по нашему мнению, исследователю не удалось выйти за пределы *circulus vitiosus*. Семантика рефлексивов определяется в работе исключительно через значения компонентов метаязыковых конструкций. Утверждение автора, что «смысловая структура метатекста представляет собой многоуровневую организацию содержания метатекстовых единиц, компонентами которой являются смыслы, формируемые языковым значением составляющих метатекст единиц, ситуацией их употребления, а также их коннотативным и коммуникативно-прагматическим потенциалом» [Там же, с. 13], можно трактовать так, что семантика рефлексива не имеет собственного измерения и полностью определяется семантикой его компонентов. Тем самым Н. В. Лукина фактически растворяет семантику рефлексива в семантике его составляющих, а вопрос создания семантической типологии сам по себе теряет смысл. В этом отношении мы придерживаемся принципиально иного мнения. Считаем, что рефлексивы обладают семантикой, не сводимой к сумме значений компонентов. Определение параметров семантики станет отправной точкой для составления семантической типологии рефлексивов.

Поиск и определение оснований для построения универсальной семантической типологии рефлексивов

В процессе анализа обширного корпуса примеров (более 10 тысяч единиц) удалось выявить одну важную, по нашему мнению, закономерность, которая распространяется на все известные нам метатекстовые отрезки. Считаем, что наличие этой закономерности является ключом к построению универсальной семантической типологии, которая охватит все установленные на настоящий момент таксономические группы рефлексивов. Вместе с тем существующие семантические классификации (как и те, которые еще предстоит построить) не только не вступят с ней в противоречие, но будут способствовать ее уточнению и детализации, не разрушая основополагающих принципов.

Итак, нами было установлено, что все рефлексивы, с точки зрения происхождения, делятся на две семантические категории. К условно первой категории относятся рефлексивы, полученные в ходе метаязыковой рефлексии над «готовой» языковой единицей (последовательностью единиц). Ко второй категории относятся рефлексивы, порождаемые в ходе акта номинации, в процессе обозначения денотата. Применяя в описании данной ситуации известную терминологию семантической теории, можно сказать, что в порождении рефлексивов проявляются два подхода: семасиологический и ономасиологический. При семасиологическом подходе метаязыковое напряжение возникает в пространстве от слова к его характеристикам. При ономасиологическом подходе метаязыковое напряжение фиксируется между предметно-понятийной областью и ее обозначением.

Противопоставление двух названных факторов образует базовое основание для построения семантической типологии рефлексивов. Рефлексивы семасиологического типа мы будем называть рецептивными (далее – РР) ввиду того, что они ориентированы на восприятие и осмысление заданной единицы речи. Рефлексивы ономасиологического типа, принимая во внимание их связь с рождением знака непосредственно в акте семиозиса, обозначим как продуктивные (далее – ПР).

Перейдем к решению задачи, связанной с описанием дистинктивных признаков (свойств) выявленных типов рефлексивов. Первый и, по сути, системообразующий дистинктивный признак, по которому отличаются РР от ПР, определяется с помощью дихотомии «статика / динамика». Для иллюстрации данного положения воспользуемся высказыванием Е. С. Кубряковой о том, что «...переход от значения или смысла к формам его выражения соответствует деятельности говорящего, а переход от формы к значению – деятельности слушающего», на основании чего делается вывод о том, «...что ономасиология имеет динамический характер, семасиология же статична, так как исходит из готовой, имеющей формы» [Кубрякова, 1998, с. 346]. Поэтому можно утверждать, что РР онтологически статичны, а ПР онтологически динамичны.

Отправной точкой для порождения РР является готовый знак (последовательность знаков), который попадает в фокус метаязыковой рефлексии. В приведенных ниже примерах таковыми выступают словосочетания *летальный исход* и *леввер понч*:

...само слово «*летальный исход*»... не испугало, а утешило его. Он понял всё очень просто и буквально: «летальный» – от слова «летать». Наверное, так оно и было: когда человек умирает, он улетает (А. Варламов «Душа моя Павел», с. 79);

Леввер понч (заголовок рассказа. – М. К.). Был когда-то в профессиональном боксе такой жаргонный термин, обозначающий сокрушительный вдребезги неожиданный удар; в буквальном переводе это удар ломом (М. Веллер * «Марина», с. 47).

ПР рождается непосредственно в процессе семиозиса. Выбор номинации постоянно сопровождается рефлексией, «говорящие творят акт ономасиологии, номинации в каждом акте речи, так как они должны обозначить, наименовать предмет, действие, качество, представленные в данном отрезке ситуации» [Гак, 1998, с. 203]. При этом обычно рефлексия протекает в свернутом виде на уровне авто-

* Минюстом РФ М. Веллер включен в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

матического проявления языковой способности, и только в особых случаях она выводится в «светлое поле» сознания, что собственно и фиксируется в метапоказателях продуктивных рефлексивов. В фокусе метаязыковой рефлексии оказывается процесс выбора номинации для обозначения некоторого фрагмента реальности. Как правило, наличие ПР в тексте свидетельствует о трудностях выбора слова, о возникновении «нештатной ситуации» в акте именовании. Зачастую в письменном тексте место метаязыкового напряжения маркируется исключительно графическими средствами:

– А ты-то здесь при чём? – спрашивали однокурсники. – Ты ж психолог, а не архитектор, *не этот... не дизайнер* (Р. Сенчин «Немужик»);

И несколько последующих лет можно считать счастливыми, *но... но пустоватыми* (Р. Сенчин «Дождь в Париже»).

В отдельных случаях в целях экспликации причин затруднений в выборе языковых средств в объём рефлексива может включаться специальная пояснительная конструкция:

– Почему? Ты же теперь... – *он не знал, какое слово подобрать, чтобы её случайно не обидеть, – ... свободная* (А. Варламов «Душа моя Павел»);

– Ага. И мама дальше поехала ну... – *Гордей загнулся на сложном слове, – путешествовать* (Р. Сенчин «А папа?»).

Второй дистинктивный признак проявляется на оси «линейность / нелинейность» протекания семиозиса. ПР характеризуются семиотической нелинейностью в том смысле, что рефлексия воплощается в специальном семиотическом акте, разворачивающемся параллельно основной линии текста. Для наглядной иллюстрации данного положения мы намеренно используем примеры, в которых рефлексив помещен в рамки парентетической конструкции, что подчеркивает автономию метаязыкового комментария относительно основной линии повествования:

Да, важно: мы ведь расписались (*какое советское словечко!*) (Е. Водолазкин «Авиатор»);

Так, позвольте... (*Чукин растянул второе о*) (Е. Водолазкин «Брисбен»).

ПР (за исключением рефлексивов с оценочной семантикой), наоборот, не выходят за рамки основной семиотической линии. Рефлексия не формирует семантического ответвления в ткани текста даже в случаях возможной коррекции (автокоррекции) речи:

Он уже столько уроков пропустил, и сейчас ему надо было прийти в незнакомую группу, которая уже сложилась, почти два месяца занимается и ушла вперед, и *учителя – или нет, теперь они называются «преподаватели»* – будут недовольны... (А. Варламов «Душа моя Павел»);

Подняла лицо на секунду – вообще! Я такой прибалдел. *Лунарики... не, глаза – глаза у неё, настоящие – тёмные, яркие такие, большие...* (Р. Сенчин «Сюжеты»).

Наконец, третий дистинктивный признак лежит в области «открытости / закрытости» метаязыкового комментария. Последняя определяется фактом наличия / отсутствия объекта рефлексии в структуре рефлексива. Метаязыковые ком-

ментарии открытого типа характерны для РР (объектом рефлексии выступают знаковые средства, эксплицитно обозначенные в тексте):

Скорее всего, «*контакт отошел*» – так в общезитии говорят, если возникают перебои с электричеством (Ю. Поляков «Совдетство»).

РР в большинстве случаев представляют собой метаязыковые контексты закрытого типа. Они реализуются в тексте в условиях невербализованного объекта рефлексии, в качестве которого выступает семиотическая связь знака и денотата (фрагмента внеязыковой действительности), который остается «за кадром»:

Трудно не признать, что высокоуважаемый дипломат избрал весьма, э-э, убедительную форму защиты своих научных взглядов... (М. Веллер* «Оружейник Тарасюк»).

Вместе с тем необходимо заметить, что РР могут описывать метаязыковые контексты открытого типа. Прежде всего речь идет о рефлексивах, которые вводятся с помощью метаоператора *называть* или его семантических эквивалентов. Особенность указанного глагола заключается в его способности к одновременной реализации в тексте двух семантических валентностей, объединяющих слово и денотат: 1) называть что-либо (денотат); 2) называть как-либо, чем-либо (слово). В результате использования этого глагола образуются рефлексивы, состоящие из имени и фрагмента действительности, обозначенного в тексте:

В ресторане по утрам кормили как на полевых кухнях – *простой пищённой кашей*, которую бойцы *называли «блондинкой»* (А. Иванов «Тени тевтонов»);

Периоды жизни не здесь сначала Сергей стал *называть экспедициями*... (Р. Сенчин «Ты меня помнишь?»).

В приведенных примерах наблюдается нейтрализация семантических признаков РР. Вербализация в тексте объекта рефлексии сообщает метаязыковым контекстам черты РР. Указанные выше рефлексивы могут восприниматься адресатом (читателем) двояко: как обозначение акта номинации или как семантизация значения языкового знака. При этом степень близости комментария к категории РР или РР во многом определяется метаязыковым контекстом. Так, в приведенных ниже примерах восприятие РР как способа семантизации слов-регионализмов усиливается:

И вот он, лысеющий, грузноватый мужик... собирал *садовую клубнику*, которую в *этих краях называли викторией* (Р. Сенчин «Очнулся»).

В отдельных случаях продуктивная семантика в рефлексивах с метаоператором *называть* практически стирается, и сама номинация превращается в объект рефлексии:

На самом деле *ситро* (так *называет лимонад бабушка Аня*) сладкое (Ю. Поляков «Совдетство»);

Память о *жизни «до несчастья»* (так академик *называл октябрьский переворот 1917-го*) была, возможно, одной из тех вещей, которые впоследствии не позволили Дмитрию Сергеевичу окончательно впасть в отчаяние (Е. Водолазкин «Постижение свободы»).

Отдельного упоминания заслуживает вопрос переплетения метаязыковых контекстов, когда в одном фрагменте текста реализуются ПР и РР. Анализ собранного языкового материала показал, что контактное развертывание рефлексивов разного типа не приводит к их смешению и образованию особого типа рефлексивов синкретичного типа. Между контактно расположенными рефлексивами, как правило, устанавливаются каузальные отношения *sui generis*. Один из рефлексивов создает семантические предпосылки для реализации другого. При этом рефлексивы разворачиваются в тексте не параллельно, а последовательно. Наиболее типичным является случай, при котором после рефлексии по поводу выбора номинации (ПР) продуцент обращается к рефлексии над выбранным словом (рецептивный рефлексив):

– *Это... это беспредел самый настоящий... извините за слово* (Р. Сенчин «Функции»);

Татьяна поморщилась: «Совсем, э-э, орусилась. *Есть ведь такое слово?..*» (Р. Сенчин «Дождь в Париже»).

В приведенных примерах акцент в метаязыковой рефлексии последовательно смещается от осмысления акта номинации к осмыслению характеристик слова.

РР с дескриптивной семантикой отражают результаты рефлексии над разного рода формальными и содержательными характеристиками языковых знаков (значением, внутренней формой, внешней формой, особенностями функционирования и т. д.):

Начался антонов огонь – *по-нашему, заражение крови* (Ю. Поляков «Советство»);

Потому что на этой силе чувства... всю вещь не сыграть, а оканчивать уровнем, который ниже изначального, – это провал. *В прямом смысле провал, движение вниз* (Е. Водолазкин «Брисбен»).

РР с оценочной семантикой содержат аксиологические характеристики языковых единиц, выступающих объектом рефлексии. Они заключают в себе отношение адресанта к знаку:

Вынося утром мусор, заметил человека, рывшегося в *контейнере*. Несмотря на *красивое название*, помойка остается помойкой... (Е. Водолазкин «Авиатор»).

ПР с дескриптивной семантикой обозначают нетривиальность выбора номинации в определенном коммуникативном контексте. При этом процесс выбора номинации в тексте может маркироваться явлениями гезитации и коррекции:

Нас кто-нибудь вообще туда звал, просил, *уполнома... уполномо...* – забормотал он, – а черт его знает, как правильно (А. Варламов «Душа моя Павел»);

Особенно *удивил – нет, поразил* – Андрея ведущий этого марафона... (Р. Сенчин «Дождь в Париже»).

ПР с оценочной семантикой определяют степень соответствия выбранной номинации обозначенному фрагменту внеязыковой действительности:

Андрей не удивился, что такую простенькую девушку зовут Алина. Странно было бы, если б она оказалась Жанной или Анжелой... (Р. Сенчин «Дождь в Париже»);

Телефон всё звонил. Андрей Львович встал и побрел на кухню. Впрочем, «звонил» – *чересчур громко сказано* (Ю. Поляков «Гипсовый трубоч»).

Необходимо отметить, что детальное рассмотрение дескриптивной и оценочной семантики РР и ПР с последующим формированием таксономических групп предполагает проведение специального исследования.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Интерес лингвистов к метаязыковой деятельности рядового носителя языка привел к формированию и развитию отдельного направления в отечественной лингвистике – теории обыденной лингвистики. Основной операционной единицей исследования в рамках научного направления является метатекст или рефлексив. К числу основных задач теории обыденной лингвистики относится задача создания типологии рефлексивов. Результатом многочисленных исследований стали разработка и описание ряда классификационных матриц. Однако существенных достижений в описании семантических характеристик рефлексивов добиться не удалось по причине многоаспектности содержания метаязыковых контекстов. В статье была решена задача поиска и описания универсального основания, необходимого для создания семантической типологии рефлексивов. Рефлексивы классифицируются в зависимости от семантического фактора порождения метаязыкового комментария: семасиологического или ономасиологического. Реализация семасиологического фактора лежит в основе создания рецептивных рефлексивов, реализация ономасиологического фактора приводит к созданию продуктивных рефлексивов. Дистинктивные признаки обоих типов рефлексивов определяются через понятийные дихотомии «статика / динамика», «нелинейность / линейность», «открытость / закрытость». В ходе исследования удалось установить, что рецептивные рефлексивы носят статичный, нелинейный и открытый характер, продуктивные рефлексивы – динамичный, линейный и закрытый.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV, 896 с.

Байдуж Л. М. Стратегии квазиноминаций, реализуемые в высказываниях с метапоказателем *скажем так* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 59–64.

Батюкова Н. А. Метаязыковые средства современной публицистической и художественной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.

Блинова О. И. Обыденная мотивология и ее аспекты // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 228–238.

Богданова-Бегларян Н. В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.

Богданова-Бегларян Н. В. *Так сказать* – рождение прагматического маркера (об активных процессах в русской устной речи) // Активные процессы в совре-

менном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 73–85.

Васильев А. Д. Рефлективы в телевизионном дискурсе // Речевое общение. 2000. № 3 (11). С. 28–36.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8: Лингвистика текста. С. 402–424.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.

Вепрева И. Т. Метаязыковой взгляд на любимые и нелюбимые слова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1. С. 202–227.

Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

Голев Н. Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (45). С. 30–37.

Кравченко М. А. О метаязыковом статусе парентетических конструкций в художественных и публицистических произведениях Е. Водолазкина // Современный ученый. 2022. № 3. С. 41–50.

Кубрякова Е. С. Ономазиология // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 345–346.

Лукина Н. В. Смысловая структура метатекста (на материале творчества Т. Толстой): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 26 с.

Лю Эншиуай. Функционирование метатекстовых операторов с компонентами «говорить» и «сказать» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2022. 25 с.

Одекова Ф. Р. Существительные в системе эксплицитных метатекстовых операторов русского языка (на материале художественных текстов Н. В. Гоголя) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 192–193.

Перфильева Н. П. Метаструктуры: семантико-прагматический подход // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 195–204.

Постовалова В. И. Идея «мета» в самосознании культуры XX–XXI веков // Метафизика. 2012. № 4. С. 6–25.

Розина Р. И. Так называемый: семантика вводных метаязыковых оборотов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009». М.: РГГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 426–431.

Трикоз Э. Л. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2010. 22 с.

Шейгал Е. И. Рефлективы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2002. Вып. 3: Аспекты метакommunikативной деятельности. С. 133–141.

Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): Монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.

References

Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, I–XV, 896 p.

Bayduzh L. M. Strategii kvazinominatsiy, realizuemye v vyskazyvaniyakh s meta-pokazatelem *skazhem tak* [Strategies of quasi-terminations implemented in statements with a meta-indicator *skazhem tak*]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2017, vol. 16, no. 9: Philology, pp. 59–64.

Batyukova N. A. *Metazykovyye sredstva sovremennoy publitsisticheskoy i khudozhestvennoy rechi* [Metalanguage means of modern journalistic and artistic speech]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2009, 24 p.

Blinova O. I. *Obydennaya motivologiya i ee aspekty* [Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty]. Kemerovo; Barnaul, 2009, pt. 1, pp. 228–238.

Bogdanova-Beglaryan N. V. Refleksiv v sisteme diskursivnykh edinit russkoy ustnoy rechi [Reflexive in the system of discursive units russian oral speech]. *The World of Russian Word*. 2015, no. 3, pp. 11–17.

Bogdanova-Beglaryan N. V. Tak skazat' – rozhdenie pragmaticheskogo markera (ob aktivnykh protsessakh v russkoy ustnoy rechi) [Tak skazat' – the birth of a pragmatic marker (about active processes in Russian oral speech)]. In: *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe: Sb. nauch. st.* [Active processes in the modern Russian language: national and international: coll. of sci. articles]. Moscow, Flinta, 2021, pp. 73–85.

Gak V. G. *Yazykovyye preobrazovaniya* [Linguistic transformations]. Moscow, LRC Publishing House 1998, 768 p.

Golev N. D. Obydenny politicheskiy diskurs: metazykovoy i metalingvisticheskiy aspekty [Ordinary political discourse: meta-linguistic and meta-linguistic aspects]. *Politicheskaya lingvistika*. 2013, no. 4 (45), pp. 30–37.

Kravchenko M. A. O metazykovom statuse parenteticheskikh konstruktsiy v khudozhestvennykh i publitsisticheskikh proizvedeniyakh E. Vodolazkina [On the meta-linguistic status of parenthetical constructions in E. Vodolazkin's fiction and journalistic works]. *Sovremennyy uchenyy*. 2022, no. 3, pp. 41–50.

Kubryakova E. S. Onomasiologiya [Onomasiology]. In: *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. The Big Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1998, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 345–346.

Lukina N. V. *Smyslovaya struktura metateksta (na materiale tvorchestva T. Tolstoy)* [Semantic structure of metatext (based on the material of T. Tolstoy's creativity)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 2011, 26 p.

Lyu En'shuay. *Funktsionirovanie metatekstovykh operatorov s komponentami "govorya" i "skazat'" v sovremennom russkom yazyke* [Functioning of metatext operators with the components "govorya" and "skazat'" in modern Russian]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Vladivostok, 2022, 25 p.

Odekova F. R. Sushchestvitel'nye v sisteme eksplitsitnykh metatekstovykh operatorov russkogo yazyka (na materiale khudozhestvennykh tekstov N. V. Gogolya) [Nouns in the system of explicit metatext operators of the Russian language (based on the material of artistic texts by N.V. Gogol)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. Moscow, 2009, no. 2, pp.192–193.

Perfil'eva N. P. Metakonstruktsii: semantiko-pragmaticheskiy podkhod [Metaconstructions: semantic and pragmatic approach]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 4, pp. 195–204.

Postovalova V. I. Ideya "meta" v samosoznanii kul'tury 20–21 vekov [The idea of "meta" in the self-consciousness of culture of the 20th–21st centuries]. *Metafizika*. Moscow, 2012, no. 4, pp. 6–25.

Rozina R. I. Tak nazyvaemy: semantika vvodnykh metazykovykh oborotov [So-called: semantics of introductory metalanguage turns]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2009"* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialog 2009"]. Moscow, RSHU, 2009, iss. 8 (15), pp. 426–431.

Sheygal E. I. Refleksivy v politicheskoy kommunikatsii [Reflexives in political communication]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Theoretical and applied linguistics: interuniversity collection of scientific works]. Voronezh, VSU, 2002, iss. 3: Aspekty metakommunikativnoy deyatelnosti [Aspects of metacommunicative activity], pp. 133–141.

Shumarina M. R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. (Metazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy): Monografiya* [Language in the mirror of a literary text. (Metalanguage reflection in works of Russian prose): Monograph]. Moscow, Flinta, Nauka, 2011, 328 p.

Trikoz E. L. *Obydennaya metazykovaya refleksiya nositelya russkogo yazyka vtoroy poloviny 19 veka* [Everyday metalanguage reflection of a native speaker of the Russian language of the second half of the 19th century]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Vologda, 2010, 22 p.

Vasil'ev A. D. Refleksivy v televizionnom diskurse [Reflexives in television discourse]. *Rechevoe obshchenie*. 2000, no. 3 (11), pp. 28–36.

Vepreva I. T. *Metazykovoy vzglyad na lyubimye i nelyubimye slova* [Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty]. Kemerovo, Barnaul, 2009, pt. 1, pp. 202–227.

Vepreva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Linguistic reflection in the post-soviet era]. Moscow, 2005, OLMA-PRESS, 384 p.

Vezhbitska A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, 1978, iss. 8: Lingvistika teksta [Text linguistics], pp. 402–424.

Информация об авторе

Михаил Александрович Кравченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» РГУПС (Ростов-на-Дону, Россия)
RSCI Author ID 355292

Information about the author

Michail A. Kravchenko, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Mass Communications and Applied Linguistics, Rostov State Transport University (Rostov on Don, Russian Federation)
RSCI Author ID 355292

*Статья поступила в редакцию 06.09.2022;
одобрена после рецензирования 23.12.2022; принята к публикации 23.12.2022
The article was submitted on 06.09.2022;
approved after reviewing on 23.12.2022; accepted for publication on 23.12.2022*